

ОДА ОХОТНИЧЬИМ СОБАКАМ

И Е Панова

Милые моему сердцу Шарики, Бобики, Тарзаны, Черныши, Загри, Дамки, Ласки, Найды, вас я не забуду до конца своего пути!

Мы, дети охотников, на Ангаре росли и выросли вместе с нашими друзьями-собаками. Мой дед, отец и муж, Панов Иван Михайлович, и многочисленные родственники ежегодно по осени уходили в лес на охоту, на один-два месяца. По малому снегу, на выделенных участках, по два-три человека, потому как по одному охотились редко, исходя из техники охотничьей безопасности: вдруг медведь или болезнь-немошь какая прицепится.

Жили в зимовьях, обустроивая их по своему вкусу и надобности. С собой брали по две-три взрослые собаки и пару-тройку щенков, желательно, с «матерью» (она их обучала). В основном, в собаке природой заложен охотничий инстинкт, чаще всего, или на пушного зверька (белку, соболя, лису), или на более крупного зверя (сохотого, медведя). Но были и уникальные, которые «шли» на всё зверьё, причём хозяин по ноткам в лае собаки определял, кого она «приметила». Приходили обратно домой уже с одной-двумя собаками: значит, остальные не выдержали испытание.

Муж рассказывал байку: иду за собакой, та «взяла» соболя, вдруг слышу, недалеко лай вроде человеческим голосом, испугался, не случилось ли чего с товарищем, и пошёл на голос. Подхожу, смотрю: на вершине сосны сидит соболя, а под сосной, на четвереньках, стоит товарищ рядом со щенком, лает – «натаскивает» щенка. Имя товарища не разглашалось, по-видимому, это был не единственный случай.

Помню, как я плакала, когда среди вернувшихся из лесу щенков не оказалось моего любимца. Обычно никто не занимался (за редким исключением) селекцией охотничьих собак, и «свободные любовные браки» давали свои «плоды»: разноцветные по окрасу, разношёрстные, «разнопородные» – от явно эвенкийских лаек до больших, похожих на волкодавов.

Собаки давали людям не только охотничьи трофеи, но и одежду – унты, шубы-дохи на подкладе, рукавицы-мохнатки, шапки-ушанки. Кроме того, они служили и охранниками во дворах и на выпасах скота.

Дороги мои детские воспоминания, связанные именно со щенками. Когда сучка щенилась зимой, в морозы, её брали в избу вместе с выводком, отводили угол с подстилкой, и особых хлопот не было: мать и кормила их, и «прибирала» за ними. Вот уж счастье было для нас, ребятишек. Щенки ещё слепые, а у каждого свой характер: кто тихий, кто уже агрессивный, а кто такой сообразительный. А как их «отбирали» для последующей охоты! Недельного щенка брали за хвост, вниз головой: если передние лапки завёл за уши – годен. В пасти считали складки на «нёбе» щенка, не помню, сколько нужно было для «годности». На табуретку усаживали слепого щенка и наблюдали: если не свалился, то есть чует пустоту, то годен. Выбранных любили и лелеяли, чуть не больше своих детей. Или мне так казалось? Отец запрещал нас «злить щенка» – дёргать за шёрстку, чтобы вызвать озлобление и лай щенка. Отец ругался: «Не трогайте собаку!». А переносить щенка с места на место можно было только «за шкурку», так же, как их носит «мать». И кормили сучку немного «пожирнее», чем остальных собак. Поэтому и вырастали эти щенки добродушными и верными собаками.

Отец рассказывал, как деда спасла от «медвежьих объятий» полуторагодовалая собачка Найда. Медведь разбросал собак, а у деда заело ружьишко, и медведь собрался уже его «обнять», как сзади мёртвой хваткой в медведя впилась маленькая Найда. Хозяин тайги оставил деда и «взялся» за Найду, потом опять за деда, а полумёртвая Найда опять впивалась в громадного медведя. Дед успел перезарядить ружьишко и убил медведя. А вот Найда от медвежьих оплеух потеряла нюх и частично слух. Дед выходил её, и она жила у него до конца своей жизни, носила щенков, сторожила дом и забавляла ребятишек.

Кормили собак разнообразно: мучное, кости, картошка, овощи. Даже в войну, когда взрослые мужики на фронте, охотники держали собак, кормили их своеобразной «болтанкой»: из картошки с добавлением отрубей, рыбой – палочкой-выручалочкой на нашей кормилице Ангаре. А охотниками были ребятишки от девяти лет да старики. Только всё варилось в общих чугунах, как для скота. Пацаны в возрасте двенадцати-тринадцати лет уже в войну были добытчиками и в лесу, и на реке. А вот на охоте собак кормили отменно: и крупы, и мясо. Но мясо обязательно варили, чтобы избежать у собак желание схватить и разорвать тушку белки или соболя. Охотники после дневного «турне» за собаками приходили вечером к зимовью, варили еду и кормили собак, а потом уже ужинали сами.

Очень хочется мне рассказать о лайке Тарзане. Этот уже из моей взрослой жизни. Внешне – типично эвенкийская лайка среднего роста, средней пушистости, пёстрого окраса (белое с чёрным), «шёл» на мелкого и крупного зверя, причём был невероятной напористости. В собачьих сражениях побеждал даже более крупных сородичей. Страшно не любил и не впускал в ограду пьяных людей и почему-то почталёнов. Но ребятишки делали с ним всё, что хотели: и за хвост, и за нос, – он только тихонько ворчал и уползал в своё жилище, когда уже не было сил терпеть.

Однажды, в очередной банный «бабский день», муж задержался на работе, а я, побывавшись опоздать в баню, оставила старшенького сына Мишу (четыре года). Наказала собаке охранять и побежала. Мальчишке стало скучно, и он направился ко мне в баню: почти в километре от дома, через три проезжие поперечные дороги, но с собакой. В бане (собаку не пустили) женщины раздели его и отправили в мойку. Я обомлела, когда рядом с собой узрела своего отпрыска в голом виде. Быстренько его помыла и сама «домылась», оделись и вышли из бани. А там нарисовался муж с Тарзаном. Собака вернулась домой и, поняв тревогу хозяина (дом открытый, в ограде никого нет), потянула его по дороге в баню. Ну что тут скажешь?! Такая преданность человеческой семье!

Но однажды собачья «верность» чуть не сослужила злую шутку с хозяином. Муж весной, в выходной день, решил поехать «за матёру» посмотреть, пошёл ли «харюз» в речку (приток Ангары) на нерест, и Тарзан с ним. Пока муж обследовал речку, Тарзан «надыбал» примерно в километре медведя и погнал его на хозяина, как положено охотничьей собаке. По лаю хозяин понял, чем ему это грозит, поскольку не взял с собой ружьё. Вот так и побежали к реке, где лодка с мотором. Впереди Иван, за ним медведь, которого «гонит» Тарзан. Иван успел прыгнуть в лодку. Завёл «Вихрь» – и домой. Приехал бледный, почему-то молчаливый, вместо обеда выпил стопку самогона и упал спать на десять часов, чего с ним сроду не бывало. На следующее утро поехал за Тарзаном, тот бегаёт по берегу, ждёт хозяина и очень даже недоволен, что не оценили его работу. Кстати, Тарзан погиб на охоте: его сохатый поддел на рога и перебросил через себя. Я до сих пор до слёз иногда горюю, как по родному существу.

Вот такие были они, наши охотничьи собаки – друзья, охранники и трудяги.